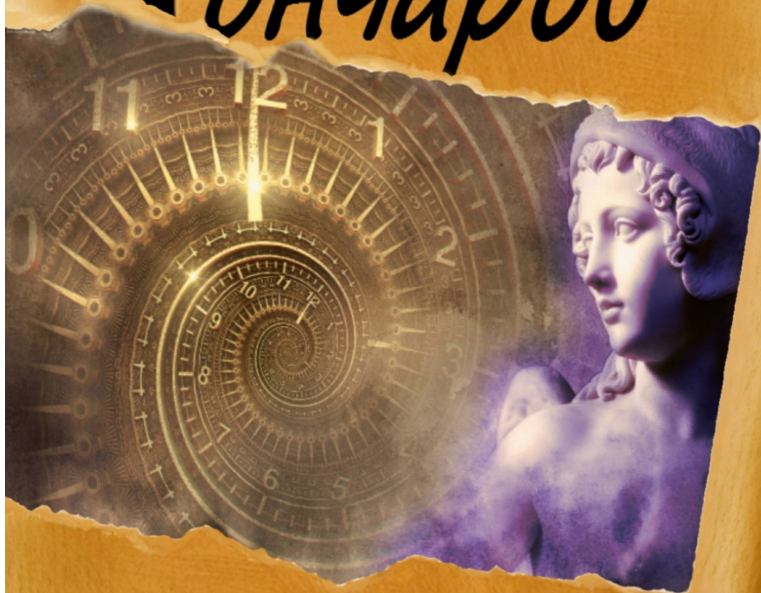

Сергей
Гончаров

**МЫШИНАЯ
ВОЗНЯ**

Сборник рассказов

18+

Сергей Гончаров

Мышиная возня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42160213

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-10544-7

Аннотация

«Осторожно, двери закрываются», или Почему нельзя ездить в метро?

Как стать мастером?

Что находится за горизонтом мечты?

Как не дать химере разрушить жизнь?

Сколько по-настоящему живёт человек?

Ответы на эти вопросы вы найдёте в этом сборнике рассказов.

А также читайте предысторию романа «Против часовой стрелки».

Содержание

Поезд должен жить	4
До часовой стрелки	25
Орудие	53
Доченька	71
Электроника ИМ-02	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Гончаров

Мышиная возня

Поезд должен жить

Михаил ступил на чистенький эскалатор. Металлическая лестница двигалась бесшумно. Открывшаяся четыре дня назад станция «Марьино» блестела чистотой. Встречный подъёмник пустовал, что и неудивительно для шести утра. Люблинская ветка и так не перегружена, а ранним утром в среду на ней хоть голышом можно ехать.

Внизу зевала дежурная. Михаил обернулся. На эскалатор вступил рослый мужчина в белой футболке, за собой вкатил чемодан на колёсиках. В руках он держал электронную книгу, которую тут же принялся читать. Михаил лет на двадцать младше, но не понимал такого веяния моды, как электронный носитель. С каждым днём в составах прибавлялось людей с новенькими устройствами. Смотрели на них косо. В основном народ читал обыкновенные бумажные книги.

Михаил расстегнул наплечную сумку, где лежал пластиковый контейнер с обедом, термосок с чаем и новенький роман Пехова «Страж». Вынул книгу и застегнул молнию. Он работал продавцом на Южке, рядом с «Кожуховской», поэтому много читал. Поначалу это было непривычно, но постепен-

но втянулся. Вообще он предпочитал боевики, где brave спецназовцы ликвидировали очередных преступников. Всего четыре года назад Михаил демобилизовался из рядов воздушно-десантных войск и с большой симпатией относился к людям военной профессии. Помыкавшись в родном городе без работы, он, вместе с другом детства, рванул в столицу за лучшей жизнью. Последние пару лет Михаил чувствовал себя как рыба в воде. Продавал запчасти, поднаторел в автомобильном бизнесе и мечтал открыть собственную точку.

Зайдя накануне в магазин за очередным боевичком, Михаил случайно увидел книгу, на обложке которой был нарисован он же: высокий русоволосый парень с решительными манерами. Сходство оказалось поразительным. Михаил попросту не смог пройти мимо и купил эту книгу.

Он сошёл с эскалатора, размашистыми шагами прошёл к середине пустой платформы. Ненавязчиво пахло креозотом. Боковым зрением увидел, что за ближайшей колонной целовалась парочка. Девушке не больше восемнадцати. Парень явно разменял третий десяток. На его левой кисти красовалась топорная наколка в виде якоря с русалкой.

Михаил открыл книгу и принялся читать. Описывалось некое Пугало в старой шляпе, трусливый Проповедник. Из тоннеля дохнуло тёплым воздухом. Послышался грохот состава. Михаил неожиданно для себя вчитался. Когда понял это, хмыкнул, улыбнувшись лишь левым уголком рта. Ещё вчера он называл фэнтези не иначе как «Хрень сказочная».

Даже перед продавщицей стало стыдно, когда подошёл на кассу.

Мимо проехал длинный серебристый состав. Прямо перед Михаилом открылись двери. Дохнуло гнилью. Михаил вошёл и опустился на скамью. Перевернул страницу. В книге как раз рассказывалось, где главный герой познакомился с Проповедником. Двери закрылись, поезд тронулся. В этот момент Михаил почувствовал неладное. Он даже не понял, что именно вырвало из мира, созданного автором «хрени сказочной». То ли отсутствие стандартного: «Осторожно. Двери закрываются. Следующая станция „Достоевская“». То ли сильный запах протухшего мяса в вагоне. Михаил поднял голову от книги. На противоположной лавке лежал старый, местами истлевший пиджак. Сквозь дыры виднелись кости. Михаил сумел сохранить самообладание и осмотрелся. Скелетов в вагоне оказалось не меньше двадцати. Одни скорчились на сиденьях в позе эмбриона, большинство осыпались на пол. Возле дальней скамьи, на полу, лежал черноволосый мужчина в кожаном плаще. У Михаила возникло чувство, будто тот пытался спрятаться за лавкой.

В этот момент пришло осознание, что при посадке вагон был серебристым – из новеньких. Внутренность поезда оказалась незнакомой: длинные коричневые сиденья, как в старых составах, полное отсутствие форточек и однорожковые бра вместо привычных светильников.

– Твою ж мать... – Михаил инстинктивно загнул угол

страницы, как закладку, захлопнул книгу. Рванул молнию и запихнул её в сумку. Осмотрелся в поисках устройства экстренной связи с машинистом. Такое обнаружилось над головой. Тёмно-зелёное с простой инструкцией: «Говорите при нажатой кнопке». Михаил вскочил и вдавил чёрный кругляшок.

– Алло! Алло! Тут... – на мгновение замялся. – Куча трупов! Вызывайте наряд! Немедленно!

Отжал кнопку и осмотрелся. Во многих местах вагона имелись надписи, сделанные ручками и маркерами, краской и баллончиками. Михаил не придавал им значения. В переднем вагоне ехали парень с девушкой, целовавшиеся возле колонны. Теперь они прижались к двери и широко раскрытыми глазами смотрели под ноги. В заднем вагоне ехал мужчина. Он также прижался к двери, побелевшие костяшки пальцев сжимали электронную книгу.

Динамик молчал. Поэтому Михаил ещё раз вдавил кнопку и повторил:

– Алло?! Вы меня слышите?! В салоне куча трупов! Вызывайте наряд!

Снова никто ему не ответил. Михаил поискал глазами другое устройство – оно обнаружилось возле дальней двери, рядом с человеком в кожаном плаще. Поезд покачивало. Некоторые из костей перекатывались с лёгким постукиванием. Не сразу Михаил понял, что звук ему мерещится, ведь из-за грохота колёс ничего не может быть слышно.

Он прошёл точно по центру вагона к дальней двери. Чем ближе подходил, тем острее чувствовал запах смерти. Начало подташнивать. Запросился наружу завтрак. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что мужчина в кожаном плаще и есть виновник тошнотворной вони: его живот раздулся, на лице появились зеленоватые пятна. Михаилу бросился в глаза потрёпанный коричневый блокнот, зажатый в правой руке трупя.

Поезд качнулся и начал притормаживать. Свет мигнул. Михаил и думать забыл об устройстве экстренной связи с машинистом. Прильнул к двери и всматривался в кабели, укреплённые на серой стене.

Неожиданно кабели метнулись вверх, мелькнула решётка, тусклый жёлтый фонарь, металлическая дверь, показалась станция. На перроне стояли люди. Две женщины, мужик полубомжеватого вида, подросток в большущих наушниках. Состав, наконец, остановился. Михаил приготовился выскочить. Приложил пальцы к резиновым уплотнителям, чтобы поскорее раздвинуть...

...двери не открылись, сколько он ни пытался их расцепить. Поезд попросту стоял на станции. Сбоку что-то мелькнуло. Михаил увидел, что парень с якорем на кисти бьёт кулаками в стекло. Столько силы и злости он вкладывал в эти удары, что не устояла бы и бетонная стена. Рядом подпрыгивала от нетерпения девушка, её губы двигались – она беспрестанно говорила. В заднем вагоне мужчина долбил в окно,

пытался доораться до подростка, но тот кивал в такт музыке и невидящим взглядом смотрел сквозь пассажира поезда.

Михаил сделал шаг назад и долбанул ногой в стекло. Стопу пронзили сотни иголок, в колене неприятно заныло. На стекле от удара не осталось и следа. Поезд тронулся и начал быстро набирать скорость. Парень из переднего вагона уже сбил кулаки в кровь, но продолжал дубасить стекло. Подруга прикрыла рот руками и отошла на два шага. Мужчина из заднего вагона побежал назад, продолжая тарабанить в стёкла, пытался привлечь внимание.

Михаил подскочил к устройству экстренной связи с машинистом. Зажал кнопку.

– Эй!? Меня вообще кто-нибудь слышит?!

Динамик молчал.

– Алло? – предпринял Михаил последнюю попытку связаться с машинистом.

Девушка тыкала пальцами на кнопки телефона. Парень демонстративно небрежно вытирал кровь с разбитых костяшек. В заднем вагоне мужчина уже держал телефон возле уха, но его губы не шевелились. Затем он начал тыкать в кнопки, снова приложил к уху. Михаил запустил руку в карман. Вначале ему попался маркер, которым подписывал ценники на рынке, а накануне случайно утащил домой. Рядом нащупал мобильник и вынул его из кармана. Разблокировал. Связь отсутствовала. Тогда нажал два раза единицу, затем двойку, клацнул зелёную кнопку. Приложил аппарат к уху и

несколько мгновений ждал. Ничего не происходило.

Михаил бросил телефон в карман и отошёл в противоположный конец вагона, подальше от смердевшего трупа. Поезд начал замедляться. Вскоре показалась и станция, но не привычная «Трубная», а «Маяковская». Людей на перроне стояло больше: несколько старушек, волосатый мужчина с гитарным чехлом, длинноногая блондинка в модно порванных джинсах, двое парней. По центру платформы прохаживался милиционер. Все они сучающими взглядами провожали поезд. Михаил начал долбиться в двери, привлекая к себе внимание, но люди на перроне его не замечали. Парень в переднем вагоне принялся бить в стекло ногами, девушка пыталась дозвониться в экстренные службы. Мужчина в заднем вагоне схватил чемодан и начал колотить им в большое стекло над сиденьем, как тараном. Безрезультатно. Лишь одно за другим отскочили колёсики, а за ними и пластиковое основание.

Михаил подскочил к дверям и снова попытался их раздвинуть. С тем же успехом можно толкать скалу. Или многоэтажку.

Никто из людей на перроне не обратил внимания на попытки пассажиров выбраться из состава. Поезд тронулся и начал быстро набирать скорость. Михаил удручённо упал на сиденье, где недавно с удовольствием читал книгу.

Боковым зрением заметил движение. Сосед из заднего вагона вначале подёргал за ручку межвагонной двери, затем

начал что-то показывать. Михаил стянул сумку и бросил на коричневый коззам сиденья. Поднялся и подошёл к двери. В соседнем вагоне лежали два женских тела. Под одним образовалась лужа. Второй труп выглядел свежее. Русоволосая женщина смотрела в потолок. Казалось, она отдыхала. Однако бледная кожа, заострившиеся скулы и светло-зелёное пятно на носу говорило о том, что она мертва. В целом вагон казался чистым, словно прошлые «жильцы» прибирались. Все кости оказались свалены в дальнем углу. Как на картине Верещагина «Апофеоз войны».

Мужчина много говорил, усиленно жестикулировал руками. Михаил попытался читать по губам, но так и не понял, чего от него хотели. Помотал головой и сказал:

– Не понимаю.

Мужчина показал указательным и средним пальцем жест «ножницы». Приложил эти два пальца к межвагонной двери и повернул ладонь. Михаил понял, что ему нужно. Наклонился к замку. Будь у него с собой инструменты, смог бы открыть без проблем. Он распрямылся и покачал головой. Вдруг глаза мужчины округлились, он начал тыкать в стекло. Михаил обернулся. В переднем вагоне на ногах остался лишь парень. Он избивал ногами лежащего. Не составило труда догадаться кого именно. Михаил рванулся через вагон, под ногу попала выкатившаяся на дорогу берцовая кость. Запах гнили усилился. Снова начало подташнивать. Михаил подскочил к межвагонной двери, ожесточённо затарабанил

по стеклу. Труп мужчины в кожаном плаще лежал в нескольких сантиметрах от его ног. В соседнем вагоне все кости оказались хаотично разбросаны, словно кто-то глумился над мертвецами.

Поезд начал замедляться. Замелькали укрепленные на стенах тоннеля фонари.

Парень, с якорем на кисти, обернулся. Его подруга корчилась на полу среди костей. Её лицо скрылось под кровавой маской, она держалась за живот и кричала беззубым ртом.

Михаил покрутил пальцем у виска. Парень улыбнулся и показал средний палец. Затем ещё раз, со всего размаха, пыром ударил девушку в лицо. Перевернувшись на спину, она затихла. Неважно, какая проблема свалится на твою голову. По-настоящему важно лишь то, кто в этот момент будет с тобой рядом.

Состав въехал на станцию «Юго-Западная». На перроне стояло не меньше сотни людей, провожавших поезд недовольными взглядами. Парень с якорем на кисти снова подошёл к двери. Попытался выколупать резиновый уплотнитель. Состав остановился. Пассажиры с перрона должны были видеть, что происходит внутри... но не видели.

Парень из переднего вагона снова начал бить в стёкла кулаками. Мощно, со всей силы. Кровь из разбитых костяшек разлеталась по стенам, сиденьям, стекала по дверям. Однако он не останавливался и продолжал долбить, пока состав не скрылся в тоннеле. Девушка лежала без движения. Михаил

всматривался и не мог понять: дышит она или нет.

Вдруг парень с якорем подскочил к межвагонной двери. В упор уставился на Михаила. Его чёрные глаза блестели безумием.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в лицо. Михаилу надоела эта игра в гляделки, он отвернулся. Сделал шаг назад. В этот момент поезд качнулся, и он задел ногой блокнот. Потрёпанная книжица вылетела из рук мертвеца, проскользила по пыли и стукнулась о череп, рядом с которым лежали волосы и посеревшее от времени платье.

– Твою ж мать... – полушёпотом произнёс Михаил.

* * *

Сосед из переднего вагона продолжительное время долбился в двери на каждой станции. Михаил откровенно не понимал, откуда у него столько сил. На кулаках уже живого места не осталось. Скорее всего, у этого человека на всю жизнь будут серьёзные проблемы с руками, но из-за беды с головой его это не волновало.

Девушка так и не поднялась. Михаил несколько раз подходил к межвагонной двери и видел её в одной позе.

Мужчина из заднего вагона вытащил из чемодана завернутую в фольгу курицу и принялся есть, помогая себе красным перочинным ножиком. Его ни капли не смущали два смердевших трупа и гора костей в углу.

Михаил несколько раз прошёлся по вагону в поисках путей спасения. Возле одной из дверей, засохшей жвачкой на полу, выложена цифра «1». Михаил не придал этому значения, так как ему в голову пришла банальная мысль: «Стопкран». Он бросился его искать. На стенах, возле дверей, после начал опускать спинки, поднимать сиденья...

Экстренной остановки этого поезда не планировалось.

Зато он прочитал некоторые из надписей на стенах. «Проклятое место», «Метро нами питается», «Если поезд остановится – всё рухнет».

Утомившись, Михаил прилёг на единственном, ни в чём не запачканном сиденье. Поначалу считал станции, на которых останавливался состав. Сбился после семнадцатой. Несколько минут смотрел на надпись маркером, выведенную на противоположной стене вагона: «Поезд опустеет – всё рухнет». Запах мертвечины уже не чувствовался. Стук колёс убаюкивал, но о том, чтобы уснуть, Михаил боялся даже подумать. Сердце гулко колотилось в груди. В мыслях царствовал первозданный хаос. На каждой станции Михаил видел лица людей. Отрешённые, раздражённые, задумчивые, скучающие, взволнованные. Какие угодно на них проскальзывали эмоции, кроме ужаса. Все эти люди равнодушно смотрели на вагон, словно перед ними обычный поезд, по какой-то причине не открывший двери. Он вспомнил, как и сам не единожды провожал взглядом вагоны дефектоскопа.

Михаил не мог сконцентрироваться. Закрыв глаза и по-

пытался ни о чём не думать. Просто полежать. Иногда ответы приходят сами собой, надо просто открыть для них разум.

Время текло неспешно и монотонно. Сердце постепенно начало биться медленнее. Кроме стука колёс до ушей не долетало ни единого звука. Изредка состав останавливался на станциях. Иногда проезжал, лишь замедляясь. Михаилу показалось, что он проваливается в пустоту, а в следующий миг услышал тихий шёпот. Распахнул глаза и увидел, что на противоположной скамье сидит скелет в чёрном, потрёпанном временем костюме. Белая рубашка давно пожелтела, галстук сбился. Скелет смотрел на пассажира подземки. Затем начал говорить. Михаил мог поклясться, что он говорил, но ни одного звука не долетало. Неожиданно свет погас. В дальнем конце вагона появились зелёные глаза и стали приближаться. Послышался звук открывающихся дверей...

Михаил вскочил, бросился к выходу из вагона. Состав по-прежнему ехал, но начинал замедляться. Свет горел. Никакого скелета на противоположной скамье он не увидел. Не сразу Михаил осознал, что видел сон. Сердце учащённо билось в груди, но постепенно успокаивалось. Поезд въехал на станцию «Царицыно». Людей на перроне ожидало немного. Когда состав остановился, Михаил оказался лицом к лицу с прыщавым пареньком лет шестнадцати. Пассажир подземки заглянул в вагон. Поводил глазами. Отстранился и зевнул.

Секунд через тридцать поезд снова тронулся. Сосед из заднего вагона читал электронную книгу, развалившись на

скамье. Парень из переднего упёрся лицом в дверь и смотрел на серые стены тоннеля. Михаил подошёл к межвагонной двери, глянул на его спутницу. Рядом с трупом мужчины в кожаном плаще снова стала чувствоваться вонь. Девушка по-прежнему лежала в той же позе и без сомнения умерла. Парень повернулся, посмотрел на Михаила. Его губы что-то произнесли, затем он кинулся на соседа по несчастью.

Михаил инстинктивно скакнул назад, встал в стойку. Парень подскочил к двери и нанёс два удара. Больше не смог. Его кулаки уже превратились в куски мяса, откуда торчали кости. Якорь с русалкой скрылся под засохшей кровью. Михаил не понимал, как он ими вообще мог бить. Парень положил окровавленные ладони на стекло, отклонился и ударил головой. Стекло осталось на месте.

Михаил отвернулся и направился к скамье. На глаза попался блокнот. Поднял книжицу, протёр от пыли. Раскрыл наугад. В середине. Пожелтевшие листы «в клеточку». Кажется, они вот-вот рассыплются от прикосновений. Михаил открыл блокнот с начала. Страницы оказались исписаны мелким почерком. Синяя паста сильно выцвела, во многих местах расплылась, и слова не читались. Михаил попытался разобрать почерк. Понял лишь, что хозяину блокнота следовало куда-то явиться и не забыть там что-то сделать. Следующий десяток листов оказался испещрён этим же мелким почерком. Даты встреч полувековой давности, телефоны, имена, малосодержательные записи, длинные подсчёты «в стол-

бик», короткие и бессмысленные для стороннего человека напоминки.

Поезд начал замедляться. Михаил достал мобильник. Подождал, пока состав остановится на станции. Людей на перроне стояло предостаточно, но никто из них по-прежнему не видел узников. Михаил внимательно наблюдал за дисплеем в надежде, что мелькнёт хотя бы слабый сигнал сети. Понимал, что этого не будет, но никто не запрещает надеяться.

Поезд тронулся. Михаил спрятал телефон и удручённо поплёлся на скамью, где совсем недавно сумел уснуть. Присев, несколько минут смотрел на мелькавшую за стеклом серую бетонную стену, кабели на ней. Опустил взгляд на блокнот. Уже собирался отбросить его, перевернул ещё один лист...

Плохочитаемые мелкие буквы сменились каллиграфическими. Кое-где имелись странные завитушки и росчерки, но Михаил догадался, что появились они вследствие того, что писали в движущемся и качающемся поезде.

Хоть отдельные слова читаемы, в целом с распознаванием текста возникли проблемы. Во многих местах буквы, и целые предложения, «поплыли». Бумага пожелтела, стала хрупкой. Не хватало листов. В нескольких местах Михаил обнаружил бурые пятна, делавшие нечитаемыми целые куски текста на нескольких страницах.

В целом смысл оказался понятен, но деталей Михаил не уловил. С самого открытия метро было проклятым местом.

Первый пробный состав, пущенный пятнадцатого февраля тысяча девятьсот тридцать пятого года, так никуда и не приехал. В дальнейшем метро питалось пассажирами. И чем сильнее оно разрасталось, тем больше требовало жертв. Автор дневника утверждал, что если состав останется без пищи – метро рухнет.

Свет мигнул. Михаил отбросил коричневый блокнот и поднялся. Прошёлся вдоль стен, читая надписи, оставленные прошлыми пассажирами.

«Двери откроются, когда будет один»

«Поезд – это метро»

«Поезд опустеет – всё рухнет»

«Иногда они открываются»

«Поезд – это смерть»

«Если он остановится – всё развалится»

«Метро питается нами»

«Проклятое место»

«Состав остановится и все-все-все погибнут»

Михаил прочёл всё, что нашёл. Большинство надписей по смыслу дублировали друг друга. Тогда он заглянул в вагон к парню, который опустился на колени перед дверьми на платформу. Там тоже разглядел на стенах надписи, но прочесть их не смог. Прошёл к заднему вагону. Мужчина уснул с электронной книжкой на груди. В его вагоне надписи на стенах были в меньшем количестве.

Состав начал замедляться. Вскоре остановился на стан-

ции «Бибирево». Через полминуты снова двинулся. Михаил вернулся на лавку и лёг. Из головы не выходила фраза: «Двери откроются, когда будет один». Поразмыслив, он пришёл к выводу, что поезд перестраховывается. Когда останется один пассажир, двери откроются, чтобы набрать ещё людей. Именно в этот момент существует единственный шанс на спасение.

* * *

Парень из переднего вагона стоял на коленях четыре дня. Иногда вставал и пытался раздвинуть двери на станции. Несколько раз мочился в ладони и пил. На пятый день принялся бесноваться и Михаил поразился, что каждый вагон звукоизолирован. Парень поднимал окаменевшую подружку и бросал в двери, в окна. Когда выдохся, принялся швыряться костями предыдущих пассажиров. Михаил отвернулся и старался не обращать внимания на сумасшедшего.

Мужчина из заднего вагона почти всё время лежал, читал книгу. В тот день доел курицу. На следующие сутки вял батон и банку шпрот. На третий день затянувшейся поездки съел пару-тройку конфет. На четвёртые сутки ничего не ел. Пятое провёл, беспрестанно обшаривая вагон.

Михаил перевёл телефон в режим полёта и смотрел лишь время, чтобы новенький аппарат продержался как можно дольше. Старался меньше двигаться. В первый день пытался

читать книгу, но вскоре отказался от этой затеи. Ему требовалось максимально поберечь силы. Поэтому он просто лежал с закрытыми глазами и старался ни о чём не думать. Лишь раз в четыре-пять часов съедал маленькую часть обеда из пластиковой чашки и делал глоток чая. Вскоре ему пришлось силой воли заставлять себя не съесть всё сразу.

В поведении поезда ничего не изменилось. Он беспрестанно ехал, останавливаясь на станциях. Когда метро закрывалось, остановки прекращались, за окном мелькал бесконечный тоннель.

К шестому дню еда и чай закончились. Михаил ощущал постоянный сосущий голод, мешавший связно мыслить. Во рту давно поселилась сухость.

Парень из переднего вагона лежал возле двери, слабо скрёб её пальцами. Его руки загноились.

Мужчина из заднего вагона ковырялся перочинным ножиком в трупях.

Михаила чуть не стошнило. Все понятия человечности, которые вдалбливаются с детства, вылетают за считанные часы, стоит людям оказаться в ситуациях, где на кону их жизни.

Михаил прошёлся по вагону из конца в конец, только чтобы размяться. В теле чувствовалась странная и неестественная лёгкость. Затем лёг обратно и вскоре уснул. Снилось, что зашёл в ресторан с огромным залом, где столы ломились от яств. Михаил ел и пил. Пил и ел. Понимал, что перед ним всего лишь сон, но не мог остановиться.

Разбудило сильное бурчание в животе. Поезд как раз стоял на станции. Людей на перроне столпилось много. Михаил узнал «Выхино». Бросился к окну. Голубое небо и восходящее солнце вызвало столько эмоций, что он с трудом сдержал слёзы. За окном стояли москвичи с хмурыми лицами. Они в упор не видели чуда над головами и ужаса перед глазами. Беспокоились о глупых проблемах, о том, что через год уже и не вспомнят.

Поезд тронулся. Михаил смотрел в окно, пока состав не скрылся в тоннеле. После лёг на лавку. Закрыв глаза и долго-долго находился без движения.

* * *

На седьмой день парень по-прежнему лежал у двери на перрон. Михаил несколько раз подходил, чтобы посмотреть на него. По разбитым рукам ползали опарыши, однако ни одной мухи не наблюдалось.

Мужчина из заднего вагона лежал на лавке со вздувшимся животом. Рядом с покромсанным трупом остался валяться перочинный нож. Михаил быстро отвернулся, так как к горлу начала подкатывать тошнота, а в сложившейся ситуации каждая капля воды бесценна.

На восьмой и девятый день ничего не изменилось. Парень из переднего вагона лежал без движения и, судя по всему, умер. Мужчина из последующего вагона слабо ворочался.

Жизнь и смерть боролись за его тело.

Михаил чувствовал слабость – поднять руку стало значимым событием, а встать – героизмом. Во рту образовалась Сахара. Кожа иссохла. Глаза болели от света. Участилось сердцебиение.

Поезд несколько раз выезжал из тоннелей, судя по всему на Филёвской ветке. Один раз остановился на тёмной станции.

Михаил начал терять связь с реальностью, принимал сон за явь и наоборот. Ему мерещилось, что поезд открывал двери. Он вскакивал и понимал, что попусту израсходовал силы. Постоянно снилась еда. Начал чудиться звук водопада. За ведро с помоями он бы отдал всю зарплату.

В очередной раз из сна вырвал мелькнувший свет. Михаил посмотрел на телефон. Прошло ровно одиннадцать дней с тех пор, как зашёл в метро. Он торжественно поклялся себе: если выберется, больше никогда-никогда его ноги не будет в подземке. Лучше пешком пойдёт из конца в конец Москвы.

Михаил с трудом сел на лавке. Уцепился глазами за надпись маркером на противоположной стене: «Поезд опустеет – всё рухнет».

Состав начал замедляться перед очередной станцией. Михаил поднялся и посмотрел в задний вагон. Мужчина лежал без движения на полу, лицом вниз, пальцы на его вывернутой руке скрючились. Из носа текла ярко-красная кровь. Открытыми глазами он смотрел в пол.

Поезд выехал на станцию «Марьиная роща». Михаил с трудом удержал вертикальное положение. То ли от волнения, то ли от бессилия. На заплетающихся ногах подошёл к двери. Прислонился лбом к холодному стеклу. Поезд затормозил. Михаил почувствовал, с какой силой забилося сердце, словно пыталось пробить грудную клетку.

Двери раскрылись. В лицо ударил прохладный воздух. Пахло креозотом и пылью. После вони в составе эти запахи казались божественны. Михаил сделал нерешительный шаг, ещё до конца не поверив в то, что бодрствует.

По станции пробежала лёгкая дрожь, из тоннеля донёсся глухой гул, срывавшийся на инфразвук, под ноги Михаила упали несколько камешков с потолка. Он посмотрел влево, затем вправо. В раннее воскресное утро перрон станции «Марьиная роща» пустовал.

Михаил почувствовал, как в груди сжалось. Тянущее чувство несправедливости завладело каждой клеточкой тела.

Станция едва ощутимо дрогнула.

Михаил отчётливо понял, что если не войдёт обратно, то рухнет всё метро. Большинство радиальных веток пролегает под дорогами и тысячи автомобилистов, попадут в страшнейшие аварии. Вместе с метро рухнут и постройки в центре столицы. При самом удачном стечении обстоятельств погибнут тысячи людей. Если не повезёт, то счёт пойдёт на десятки тысяч.

Михаил сотни раз читал и смотрел фильмы про военных,

которые героически вставали на пути врага. Он всегда восхищался людьми, способными пожертвовать собой ради других. Считал героями.

Геройствовать самому стало страшно. А ещё душу терзала обида, что об этом всё равно никто не узнает.

– Может это и есть настоящий подвиг? – прошептал Михаил и сделал шаг назад.

Перед носом захлопнулись двери. Поезд тронулся и начал медленно набирать скорость. Колени подогнулись, и Михаил рухнул на пол, сил сражаться за жизнь не осталось. Он вынул из кармана маркер. Зубами снял колпачок и выплюнул. В последние моменты жизни ему невыносимо захотелось оставить на этой планете хоть что-нибудь после себя.

«Поезд должен жить» – вывел он корявыми буквами на двери возле пола.

Маркер вывалился из рук. Сознание начало медленно затухать. Михаил осознал, для чего мужчина в чёрном плаще спрятался за лавкой: чтобы со входа его было видно как можно меньше. Чтобы поезд не остался без пассажиров. Напрягая последние силы, он отполз за ближайшую скамью. Прижался спиной к холодному металлу. Положил голову на пол и вдохнул пыльный, пропитанный мертвечиной воздух.

Поезд начал замедляться и вскоре остановился. Раскрылись двери. Перед тем, как сознание окончательно померкло, Михаил увидел чёрные женские туфли.

До часовой стрелки

Слово автора:

Данный рассказ является своеобразной предысторией романа «Против часовой стрелки».

В глаза Никите смотрел волк. Он взгромоздился на узкий больничный подоконник возле койки и, не мигая, изучал потенциальную еду. Мгновение человек и хищник глядели друг на друга. После волк отпрянул. Его задние лапы потеряли опору и, кляцнув зубами о карниз, он бухнулся в фиолетовые кусты.

Никита ещё несколько мгновений лежал, а затем попытался вскочить. Тело отяжелело, и каждое движение давалось с невероятным трудом. Зато он увидел застывший возле койки труп девушки. Облокотившись на постель, она окаменела в последней молитве. Её ярко синее платье приятно гармонировало с распущенными рыжими волосами. На разглядывшемся лице застыло умиротворенное выражение.

Поднявшись, Никита несколько мгновений разглядывал обстановку. Десять металлических коек со скомканным бельём, на тумбочках бутылки, кружки. По ободку одной, в лучах восходящего солнца, ползает муха, настолько толстая, что вряд ли способна летать. Взгляд Никиты уцепился за густые фиолетовые кусты, в которых скрылся волк. Слабый ветерок трепал их листья, и шелест был единственным окру-

жающим звуком. Никита вглядывался в кусты и не мог понять, что же с ними не так. Посмотрел на труп. В нём тоже было нечто неестественное, но что именно очнувшийся пациент понять не мог.

В тёмном коридоре поселился сквозняк. С дальнего конца разбитое окно, а почти рядом с палатой приоткрытая дверь на улицу. В мутном стекле Никита увидел странное отражение: голый и невероятно раздутый торс, лысая голова будто поражённая слоновьей болезнью... Из одежды лишь джинсы.

«Стекло искажает» – пронеслось в мыслях.

Улица встретила тишиной. На бетонной площадке перед зданием стояло пять машин скорой помощи. Вокруг высились деревья с фиолетовыми листьями. Изгибавшиеся под невообразимыми углами стволы тянулись к небу. Ветви, будто живые, шевелились. Никита пригляделся. На некоторых стволах он разглядел лица. Среди деревьев проглядывали тропинки, но их почти полностью скрывали переплетения корней и ветвей.

Никита направился к ближайшей дорожке. Шагал невообразимо долго, всё время осматривался, но так никого и не увидел.

Добравшись к тропинке, полез в гущу деревьев, где свет нарождающегося дня почти не пробивался сквозь тёмно-фиолетовые кроны. Ветви и корни тут же пришли в движение, закружились вокруг Никиты в смертоносном танце. Однако

так и не нападали. Постепенно идти стало проще – деревья начали убирать особо крупные ветви и корни с пути Никиты.

Наконец впереди забрезжил просвет. Никита зашагал быстрее – не терпелось выйти из-под покрова деревьев. Было в них что-то страшное. Когда до границы больничного парка осталось совсем немного, он побежал. Точнее постарался – бег выглядел как ускоренный шаг.

Последние ветви остались позади. Никита остановился отдышаться и оглядеться. Страх отпустил – чувство опасности исчезло. Но, повернувшись, он вновь почувствовал волну животного ужаса.

От улицы его отделял чёрный, с копиями, забор. Безмолвные машины застыли посреди дороги, а окна зданий на противоположной стороне зияли чернотой. Никита поискал глазами калитку. Она оказалась совсем близко, да к тому же настежь распахнута, но... следовало пробраться через приземистый и широко разросшийся фиолетовый куст, чего ему делать категорически не хотелось. Подсознание вопило и умоляло, не совершать этого. Отчего-то Никита знал, что куст не выпустит его так же легко, как деревья, а попытается сожрать.

Тогда он принялся карабкаться на решетку, благо параллельных земле прутьев имелось в достатке. Руки на поверку оказались невероятно слабы. Приходилось прилагать все силы, чтоб преодолеть очередной сантиметр забора. Когда до верха осталось около полуметра, а силы на дальнейший

подъем растаяли, в деревьях раздался тихий шорох. Никита замер, как кролик перед удавом. Спиной чувствовал приближавшуюся опасность, но двигаться не мог. Шорох не повторялся, но и легче от этого не становилось. Он попытался обернуться, но голова оказалась настолько раздутой, что не могла поворачиваться.

Шорох повторился ближе и отчетливее.

Усталость забылась сразу. Почти моментально Никита оказался на вершине забора. Перекинул одну ногу. Второй, в спешке, зацепился штаниной за копьё. Отпускать руку, чтоб отцепить штанину боялся. Потому просто дёргал ногой, скосив глаза на фиолетовые заросли.

Наконец, штанина треснула и начала рваться. Никита задрёгал сильнее. Штанина хрустела и продолжала расходиться по шву. Из переплетения веток и корней выбралось существо. Тонкие, худые ноги, облачённые в разодранные брюки, несли тщедушное, но в неожиданных местах раздутое тело. Голова существа выглядела, будто оплывший сгусток кожи. Ни глаз, ни рта, ни носа, ни ушей и волос, – ничего, что находится на голове нормальных существ. Существо двигалось проворнее Никиты, но всё равно достаточно медленно. Оно находилось в трех шагах от забора, протягивало руки к добыче, когда штанина хрустнула в последний раз.

Боль в спине и голове на некоторое время перекрыла окружающее. Когда сознание начало возвращаться, перед глазами Никиты замельтешила рука существа. Оно даже

присело, чтоб дотянуться дальше. Когда поняло, что не получится, издало надсадный вопль, эхом разлетевшийся по округе, несколько мгновений постояло, а после шаркающей походкой скрылось в чаше.

Никита вспомнил о распахнутой калитке...

Постоянно оглядываясь, он, по своим меркам почти на третьей космической, заковылял в противоположную от калитки сторону. Когда ушёл достаточно далеко, остановился передохнуть – существо, видимо, решило не преследовать.

Далеко сзади послышался рык, быстро перешедший в хрип. Из калитки, один за другим, выскочило четыре волка. Пятый лишь показался, но сзади на него накинuloсь существо. Оно упало и схватило его за задние лапы. Волк принялся яростно отбиваться, но существо неуловимым движением свернуло ему шею и потащило в чашу. Собратья волка без оглядки на сородича скрылись между домов.

Никита направился дальше по улице, огибая застывшие машины. Желудок принялся просить еду. В мыслях беспрестанно что-то вертелось. Оно стучалось и просилось в сознание. В голове мельтешили непонятные образы, воспоминания прорывались, но что-то их останавливало. Когда взгляд зацепился за покосившуюся вывеску «Продукты» на одном из домов, Никита непроизвольно замер.

Он не понял, значения слова «продукты», но осознал, что умеет читать. Тело будто окаменело, а глаза вновь и вновь читали «Продукты». Воспоминания, образы вертелись в го-

лове, но в единое, осознанное, целое не складывались.

Никита брёл и читал вывески – на этой улице их оказалось много. «Супермаркет», «Книжный магазин», «Модная одежда», «Цифровой супермаркет» – буквы каждой вывески были родными. Из всего прочитанного лишь слово «одежда» показалось знакомо, остальные остались за гранью понимания.

Одна из вывесок гласила: «Ювелирный магазин». После находилось ещё слово, но в нем оказались странные буквы. Сколько Никита ни старался, а прочесть не смог. Точнее смог, но чувствовал, что неправильно. Оно читалось не как остальные слова, а будто на...

«Другом языке» – пронеслось в мыслях.

Дикий, безудержный восторг был ни с чем несравним. Никита даже непроизвольно попытался подпрыгнуть от радости.

Восхищение быстро поухло. Стоило лишь задуматься, что такое «язык» и как это «на другом языке».

«Уходи отсюда – это наша территория!» – из глубины ювелирного магазина выступило существо, поразительно похожее на отражение Никиты в загрязненном стекле больницы.

Подсознание во всю глотку вопило, что надо сваливать, но Никита застыл, глупо блымая глазами. Вслед за первым существом из недр магазина выбралось второе. Оно, так же как и первое, выглядело слишком раздуто, с единственным отличием – на груди висело два болтающихся кожаных меш-

ка. Передвигались они, как и Никита, слишком медленно, будто тащили непосильный вес.

«Убирайся отсюда, – повторно раздался в голове голос первого существа. – Это наша территория!»

Никита продолжал глупо пялиться на странных созданий, когда нечто острое впилося в мозг. Боль разорвала сознание на клочки. Глаза перестали связно видеть, в ушах поселился устрашающей силы звон, пространство вертелось в бешеной пляске. С секунды на секунду мозг собирался лопнуть, как перекачанная шина.

Всё прекратилось также моментально, как и началось.

«Убирайся!» – раздалось в голове.

Никита протёр рукой глаза и поспешил пойти дальше по улице. Один раз обернулся. Существа наблюдали.

Остальные вывески читались машинально. Мысли Никиты занимала странная парочка и дом со странным словом. Воспоминания изо всех сил ломались, но сознание отказывалось понимать образы, навязываемые мозгом.

Увлеченный мыслями, Никита почти не смотрел по сторонам. Просто брёл вперед. Солнце, тем временем, поднялось в зенит и принялось клониться к земле. Парочка существ давным-давно забылась, а слово, наоборот, не выходило из головы. И чем дольше он думал, тем острее понимал, что чего-то не помнит.

«Да ведь я всего не помню!» – остановился Никита.

В этот момент он и увидел человека. Молодой парень за-

стыл в маленьком аппендиците между домов. Штаны его темно-зелёной формы были приспущены. В трясущихся руках он держал странный, направленный на незваного гостя, предмет.

«Как же я рад, что встретил хоть...» – начал Никита.

– Уберись из моей головы! – истошно завопил парень. Он, выронив странную штуковину, упал на землю. Закрыв руками голову и продолжал неистово кричать.

«Да подожди ты! – Никита двинулся на помощь бедняге. – Сейчас помогу»

Парень, не прекращая вопить, схватил с земли странную штуковину, поднялся на колени.

– ...не позволю! – только и вычленялось из его вопля.

Сухой треск отразился миллионным эхо от пустующих домов и скрылся где-то вдаль. Никиту сильно ударило в левую часть груди и правое плечо. В местах удара остались кровавые полосы.

«Прекрати!» – скомандовал Никита.

К удивлению, парень опустил автомат.

«Встань и подойди!»

Парень поднялся с колен и со спущенными штанами направился к Никите. Автомат он держал одной рукой. В какой-то момент запутался в сползших до щиколотки штанах и упал лицом вперед.

И тогда произошло неожиданное. Парень рывком поднялся на колени. Из носа ручьём текла кровь. Со слезами на гла-

зах, он засунул дуло автомата в рот. Выстрел – и из затылка веером брызнула кровь. Труп ещё несколько мгновений стоял на коленях, а после грохнулся на асфальт. Вокруг головы быстро растеклась огромная лужа.

– Н-е-е ш-ш-шевелись... – раздался позади наполненный страхом голос. – Г-г-голову прощ-ш-шибу! Е-е-если по-по-полезешь в моз-з-ги с-с-сразу с-с-стреляю!

Никита замер.

– И-и-иди дальше по улице, – скомандовал окрепший голос. – Попытаешься ч-ч-что-нибудь выкинуть и-и-из своих штучек – мигом зашибу.

Никита послушно заковылял, затылком ощущая опасность.

Идти пришлось долго. Частью из-за скорости Никиты, частью из-за того, что далеко. Улицы сменялись улицами, дома домами, вывески вывесками. В спину несколько раз тыкалось дуло автоматам, но и без того Никита постоянно ощущал опасность, исходившую от конвоира.

Один раз на глаза попалась облезлая белая кошка. Никита захотел, чтоб она подпрыгнула. Кошка подскочила выше человеческого роста, а после со всех ног скрылась в одном из домов.

На автостраде застыло огромное количество машин. У некоторых стекла разбиты, в других виднелись разлагающиеся тела. С огромным трудом Никита перебирался через тесно прижатые друг к другу автомобили. Конвоир беспрестан-

но подгонял тычками, приговаривая: «Быстрее! Быстрее, я сказал!».

За автострадой высилась роща. Деревья в ней показались какими-то странными. Чтоб обхватить стволы не хватило б и пятидесяти человек, а кроны скрывались за низко нависшими белёсыми облачками.

– Стоять! – раздался окрик.

– Всё нормально! – ответил конвоир. – Это я – сержант Кочетов!

– Санёк, ты?!

– Я, я.

– А тварь зачем притащил?

В глазах Никиты помутилось от сильного удара по голове. Перед тем, как потерять сознание он успел вспомнить, что неизвестное слово на вывеске ювелирного магазина, в переводе с английского, означает «блеск».

* * *

– ...что вы меня понимаете! Но я не соображу, зачем мне рисковать парнями... Смотрите!

Сознание вернулось моментально. Только что Никита стоял перед высочайшими деревьями, а в следующее мгновение сидел на неудобном стуле в комнате с голубыми обоями. Помимо него в ней находилось три человека да пыльный стол в углу.

Двое – военные. Первый – молодой парень возле двери с автоматом наперевес, а второй – мужчина лет сорока пяти с чёрными усами и пистолетом в потрёпанной кобуре. Он спорил с маленьким, толстеньким старичком в синем спортивном костюме.

– Очнулся! – воскликнул старичок. – Очнулся, родимый. Ну, ты нас и перепугал! Дыхания почти нет, импульсы мозга на нуле... Что ж ты так?!

Никита ничего не ответил и постарался даже не думать. Солдат, ковыляющий со спущенными штанами, прыгающая кошка... Да и волк с подоконника свалился не просто так.

– Да ты не молчи, – подбодрил старичок. – Мы же видели, что ты не безмозглый. Слышал приказания, повиновался им...

– Профессор, – перебил усатый военный. – Мы таких больше двадцати переловили. И ни один не подавал признаков разума...

– Вы, что не видите?! – старичок подпрыгнул от возмущения. – Он не нападает!

– Тем не менее, он Ведущий, а значит...

– Да ничего это не значит! – махнул рукой профессор. – Этот экземпляр представляет огромный интерес.

– Послушайте, – военный достал пистолет. – Вы затащили меня с этим монстром в одну комнату и теперь хотите...

– Уберите оружие! – замахал руками старичок. – Быстро уберите оружие! Вы его можете испугать!

– Я его могу испугать?! – военный всё же спрятал пистолет. – Я его могу испугать?! Да он нас своей воле подчинять умеет! Через мгновение вы можете начать вырывать собственное сердце! Я его могу испугать?!

Старичок причитания военного не слушал. Он склонился к Никите и полушёпотом произнёс:

– Вижу, что вы меня понимаете. По глазам вижу. Пожалуйста, не бойтесь, мы друзья. Мы не причиним вам вреда. Если вы заметили, то вас не привязывали. Вы совершенно свободны и можете встать. Может, хотите попить или поесть?

Никиту заинтересовал любопытный факт. Старик с военным обменивались репликами при помощи губ, когда он ничего не делал, чтобы заставить парня идти, а кошку прыгать.

– Пьэсть... – повторили непослушные губы последнее слово старичка.

Профессор и оба военных чуть глаза не обронили.

– Вы хотите поесть? – с придыханием переспросил старичок.

– Поэсть.

Профессор замахал руками, скороговоркой повторяя:

– Быстрей, быстрей, быстрей, что-нибудь съестное, быстрей, быстрей, быстрей!

Парень вопросительно посмотрел на военного с усами.

– Принеси, – поступила команда.

Парень вышел.

– Вы можете назвать своё имя? – поинтересовался старичок.

Несколько долгих минут Никита глядел ему в глаза.

– Не помню, – выдавил он и сам поразился насколько обычно и привычно произнёс эти слова. Наслаждаясь звуком голоса, повторил:

– Я не помню.

– Потрясающе! Восхитительно! – старичок едва не плясал, а военный застыл с суровым выражением на лице. Рука непроизвольно поглаживала кобуру.

– Может, вы помните, где работали, что делали?

Никита ещё несколько минут напряжённо размышлял.

– Не помню...

– Ты знаешь, что с тобой произошло? – неожиданно поинтересовался военный.

– Не помню. А должен?

– Такое-то забыть?! – усмехнулся военный. – Апокалипсис локального масштаба!

– А-по-ка-лип-сис? – в голове начали появляться несвязные воспоминания.

– Да, – подтвердил старичок. – Большинство населения города умерло, но некоторые организмы смогли адаптироваться. Например, люди с избыточным весом превратились в Ведущих.

– Ведущих, – повторил Никита. Слово будто застревало на губах. – Ведущие – это я?

– Подобные тебе, – поправил военный. – Толстые, медлительные твари в бронебойной шкуре и крупницей мозга, но способные повелевать другими. В общем, отдельные организмы выжили, но подверглись серьёзным мутациям, зачатую убивающим человеческий облик.

Никита вспомнил существо из больничного парка. Одновременно сознание подкинуло картинку, как медсестра и внучка выводят его под руки из машины скорой помощи.

От воспоминаний по телу пробежала дрожь.

– Вы что-то припомнили? – заметил старичок. – Вы даже не представляете, какой вы кладёшь информации. За этот месяц вы первый, кто выбрался с опасной территории в здравом уме...

Военный хмыкнул.

– ...и способностью вести адекватную беседу.

– Вспомнил, – произнёс Никита медленно.

Военный почувствовал напряжение, но предпринять ничего не успел. Ведущий заставил его достать пистолет.

«Направь мне в голову и выстрели» – приказал Никита.

Военный подчинился...

* * *

Сознание к Никите вернулось достаточно быстро. Профессор застыл, будто замороженный. Военный же не растерялся. Пока к Ведущему возвращалось сознание, он успел

разрядить магазин. Патроны ссыпал в карман.

– Ну, и чего ты вспомнил? – военный наклонился над Никитой, как Пизанская башня. – Советую больше не выкидывать своих штучек. Я триста пятьдесят парней потерял, пока они отстреливали Ведущих. А вас, тварей, меньше не становится. Да мне бы, знаешь и ничего – периметр перекрыт, и вы бы давно там попередохли с голода. Но маленькая загвоздка – гражданские лезут туда, как мухи на говно. Догадываешься почему?

Никита помотал отяжелевшей головой.

– Драгоценностей в уничтоженном городе осталось много. И теперь такие твари, как ты, питаются этими мародёрами, а мне мозги сушат, почему я за целый, видите ли, месяц не уничтожил всех мутантов... А я бы уничтожил! Давно бы уничтожил, а вместо этого теряю парней...

– Туда им и дорога! – буркнул Ведущий.

– Тебе, тупой твари, – продолжал военный. – Даже невдомёк, хоть тебе и говорили, что вот это не пробить, – он ткнул пальцем Никите в грудь. Вам, ублюдкам, надо по глазам стрелять, чтоб убить. А теперь рассказывай, что ты вспомнил.

Несколько мгновений Никита размышлял, а потом понял, что терять ему уже нечего.

– Это я сделал этот апокалипсис, – буднично сообщил он. – Я дал шанс сбежать людям, предупреждал! – повысил голос Никита. – Но воспользовались им немногие.

Военный с профессором застыли с окаменевшими лицами.

– Мне заплатили, я и создал эту гадость, – пожал плечами Ведущий. – Не так уж и тяжело, имея деньги и мозги, создать в наше время мощное оружие. А что мне оставалось?! Я за год лишился всех родных кроме внучки! Жена умерла от рака, сын в тюрьме от туберкулеза, дочь на самолете разбилась. У меня остались нищенская пенсия и внучка с лейкемией! Где мне было брать деньги на её лечение?! Может, по полису бы вылечили? Как государство отнеслось ко мне, так и я к ним.

На несколько минут повисло молчание. Профессор с военным даже предполагать не могли, что им в руки попадёт виновник катастрофы.

– И где же Елена двадцать первого века? – военный достал патрон из кармана, повертел меж пальцев, вторая рука произвольно потянулась к пистолету.

Никита молчал. Признаваться, что несколько часов назад не узнал труп внучки, он не собирался.

– И не жалко? – сузились глаза военного. – Ладно, уничтожил тех, кто в Кремле сидел. Но ведь ты, получается, убил миллионы невинных людей.

Щелкнул затвор, патрон занял место в патроннике.

– Не жалко, – через несколько мгновений ответил Никита. – Вы сами знаете, что покинувшие опасную зону в первые часы не заразились.

– Не заразились, – кивнул профессор.

– А те, кто остались, хотели пограбить. Или не верили. В общем, дураки и мародёры. Вот их вы теперь и отстреливаете.

* * *

Катя стянула с головы обруч для проецирования сновидений в мозг. Несколько мгновений просто смотрела в потолок. Возле люстры жужжала муха. По маленькой однокомнатной квартире ещё витал слабый запах кофе. Андрей сидел возле стола, где громоздились коробки и коробочки от пицц, роллов и прочего, заказываемого через Интернет, фастфуда.

– Ты хоть что-нибудь скажешь? – взмолился хозяин квартиры. Он сидел на стареньком офисном стуле. Пальцы левой руки нервно теребили подлокотник. В давно невымытых чёрных волосах виднелась перхоть.

– Это ты сделал сам? – Катя поднялась с кровати и положила обруч на компьютерный столик. Прядь русых волос скользнула к носу, и она её вернула за ухо.

Вообще обруч для проецирования сновидений в мозг зовётся шлемом, так как первый прототип, изобретённый инженером самого известного в мире поисковика, Дэнисом Грогоровым, действительно походил на мотоциклетный шлем. Через год, устройство уменьшилось, превратившись в обруч, получило обтекаемые формы, мощную начинку и

начало захватывать мир. Вскоре о шлеме знали все, начиная от полуторагодовалых детей и заканчивая стариками, родившимися при Сталине. Суть состояла в том, что в специальных сервисных центрах на телефон ставилась программа, к которой привязывался определённый шлем. В программу записывались параметры сна, а в шлем видеоряд. Если внести только параметры в программу на телефоне, то шлем не активируется. Если записать лишь видеоряд, а в настройке ничего не вносить, то мозг настолько испортит режиссёрскую задумку, что никакого удовольствия от просмотра человек не получит.

Изобретение Дэниса Грогорова позволяло человеку контролировать и запоминать сновидения, которые, к тому же, всегда имели продолжение. Рухнули целые индустрии, казалось бы нерушимых, развлечений: кино, игры. Их стало возможно заменить сном, причём тем, который будет интересен именно тебе. Кто ж променяет «вторую жизнь», где ты можешь быть кем угодно и где угодно, на очередной бестолковый трэш?

При включении программы на телефоне, шлем, с выставленной задержкой, вводил в фазу быстрого сна. Пробуждение возможно: при физическом удалении шлема, при сильных свето-шумовых воздействиях, по будильнику в программе, когда обруч на голове прекращает работу. Учёные не советовали уделять сну в шлеме более двух часов в сутки. А для детей до шестнадцати так и вовсе не более получаса.

Но многие этими советами пренебрегали, вовсе отказавшись от обычного сна. Существовали и их противоположности, принципиально не имеющие шлема. В народе таких звали пузодавами.

В фазе быстрого сна шлем активно воздействовал на таламус и кору головного мозга, передавая необходимые данные, посредством абсолютно коротких волн. Мозг трактовал полученные данные по-своему, отчего невозможно посмотреть два одинаковых сна, несмотря на идентичные исходные данные. Большую роль играл жизненный опыт и знания, которые мозг использовал помимо воли человека. В зависимости от модели шлема степень участия в процессе сновидений варьировалась. В самом дешёвом устройстве человек выступал лишь в роли наблюдателя. Самый дорогой, называемый в народе «обручем богов», способен заменить реальность. Популярными стали модели средней ценовой категории, где человек может принимать решения, но основное действие идёт согласно настройкам и плану.

Катя задумчиво посмотрела на соседа. Запоздало отметила, что он немного похудел.

Когда-то он её добивался. Теперь Катя радовалась, что так и не добился. В то время когда его ровесники покупали себе первые машины, Андрей сидел на шее родителей и создавал сны, которые намеревался продавать в сети.

Чтобы самостоятельно создать сон никаких особенных навыков не требовалось. Надо лишь много времени и усид-

чивость, для настройки десяти тысяч параметров в специальной программе. Для шлема требовался видеоряд, который можно достать откуда угодно. Хоть из Интернета. При этом затраченное время не всегда выливалось в качественный продукт. Это сродни созданию видеоигр. Какую-то тяп-ляпицу может смастерить любой, для качественного продукта нужны люди, время и деньги. К тому же самостоятельное заливание программы в телефон, а видеоряда в шлем чревато ошибками или вирусами. А с мозгом шутки плохи. Через сон вполне возможно украсть любые данные или подчинить человека собственной воле. Неправильно поставленная программа может нанести вред психике. Иногда это заканчивается трагично для человека. Могут развиваться умственные отклонения. В принципе ничего тяжёлого в установке нет, нанести вред человеку можно лишь умышленно. Или устанавливая самостоятельно через домашний компьютер.

Катя согласилась посмотреть сон, созданный Андреем, только из жалости. Она его знала с детства, тепло относилась к его маме. Нанести ей какой-либо вред сосед вряд бы посмел, а вот опустить его на землю стоило.

Пусть у Андрея и получится создать что-нибудь толковое. Катя совершенно не представляла, как он это собрался распространять через Интернет. Кто это будет покупать?! Дураки, которые качивают нелегальные сны из сети, конечно, находятся. Но они ищут бесплатные варианты популярных снов. Так что прожить за их счёт вряд ли получится.

– Это отлично, – решила Катя начать с позитива. – Действительно занятное начало. Я очнулась в больнице, в непонятном и странном теле. Вышла в странный мир...

– И как он тебе? – Андрей поёрзал на стуле, ожидая дальнейших похвал.

– Давай по порядку, – строго сказала соседка. – Где ты брал видеоряд?

– Вообще... – начал Андрей.

– Монстра, в тело которого вселяется смотрящий этот сон, я уже где-то видела. Какая-то игра была. Человекоподобный, с одутловатым телом, из одежды лишь джинсы, и... умение управлять другими существами. Я определённо где-то его уже видела. Только не помню где.

– Ну да, – Андрей потупил взгляд. – Ты права. Просто я подумал, что его никто не узнает...

– Второе, – вновь перебила Катя. – Все эти брошенные скорые, пустые дома, апокалипсис... Надоело. Это уже настолько избито и заезжено, что дальше некуда.

– Но это же локальный, а не всеобщий, – попытался оправдаться Андрей.

– Всё равно надоело, – строго, точно учительница, произнесла соседка. – Идём дальше. Почему о том, что главный герой старик, узнаётся в самом конце?!

– А как раньше?! – округлились глаза Андрея. – Я же вроде через зеркало показал кто он. Там, если присмотреться, то можно и догадаться...

– Ни о чём я не собираюсь догадываться, – чуть капризно сказала Катя. – Я должна это знать. А показывать внешность героя через зеркало, это вообще-то настолько банально и шаблонно, что даже говорить об этом не хочется.

– А как...

– Дальше, – перебила Катя. – Что за шаблонный профессор и военный?! О картонности этих персонажей даже говорить нет желания. И, самое главное, конец... Его просто нет. Всё что там есть – это притянутое за уши безобразие. Какой-то полудетский намёк на социальщину и оканчивается всё вообще без конца. Это знаешь... Это как заниматься сексом, а потом просто прекратить, одеться и разойтись. Понимаешь?

– Вообще не понравилось? – грустно спросил Андрей.

Катя на мгновение задумалась.

– Понравилось. В целом понравилось. Но... сколько ты времени потратил на этот фрагмент? – указала на обруч для сна.

– Месяц, – сразу же ответил сосед. – Ровно месяц безвылазной работы. У меня в планах сделать целый мир...

– Андрей, – перебила Катя. – Ты потратил месяц на создание довольно посредственного и незаконченного сна, без впечатляющего сюжета и с кучей заимствований.

– С какой кучей заимствований?! – развёл руками Андрей. – Фиолетовые деревья я придумал сам! Даже нарисовал их сам! Монстра из зарослей я тоже придумал сам!

– Главный герой, – вздохнула Катя. – Его ты украл. Просто взял и украл, надеясь, что никто этого не заметит. Заметит. Вот, я уже заметила. Ладно, бог с ним, – махнула она рукой. – Предположим, никто этого не заметит. Сколько ты потратишь времени на создание полноценного сна? Год? Два? Три?

– Ну-у-у... – протянул Андрей.

– Работать иди, – вздохнула Катя. – Тебе двадцать три, а ты до сих пор сидишь на шее родителей. Девушку найди... – соседка замолчала на полуслове, увидев кислое лицо Андрея. – Ладно, пойду я.

– Спасибо, что посмотрела, – буркнул Андрей.

И он медленно поплёлся за соседкой, чтобы закрыть входную дверь.

* * *

Жизнь закрутила и завертела Катю. Новая работа, новые романтические отношения, новая машина и новый стиль жизни – фитнес, диета, бассейн, книги.

Об Андрее Катя если и вспоминала, то лишь в тех случаях, когда, выходя из лифта, видела его старенькую входную дверь. Да ещё пару раз, когда встречала его мать.

Однажды, в четверг вечером, Андрей прислал сообщение, в котором снова попросил зайти к нему для тестирования сна. Первой порывистой мыслью Кати было отказаться, со-

славшись на усталость. Она уже начала набирать короткий ответ. Потом на несколько мгновений замерла и стёрла буквы с экрана телефона. Она и вправду устала, оттого делать по дому ничего не хотелось. Даже телевизор смотреть не хотелось. Тогда почему бы и не развлечься очередной поделкой наивного соседа?

Она вышла на лестничную площадку. Андрей уже ждал.

– Привет, – улыбнулся он.

За прошедшее время он сильно зарос. По-хорошему, его следовало немедленно отвести к парикмахеру.

– Вэлком, – пригласил сосед.

Катя вошла в квартиру, закрыла дверь. Прошагала за хозяйником в его комнату. На компьютерном столе по-прежнему громоздились коробки и коробочки от пицц и роллов.

– Улаговляйся, – показал Андрей на свой диван.

На этот раз собранный. Катя не единожды слышала через стенку, как мать ругалась на сына за то, что он никогда не убирает постель.

«Отчего же никогда?! – подумала Катя. – Иногда собирает».

Она легла. Взяла шлем и осторожно надела его на голову.

– Тебе должно понравиться, – сказал Андрей, нажимая одну из иконок на рабочем столе компьютера.

Я лежала и смотрела на голубое небо. На перистые и белоснежные облака. Далеко-далеко раздался треск. Так трещали палки хилых и уродливых созданий, внешне отдалённо похожих на нас.

Я всегда много времени провожу на крыше. Даже когда с неба льёт вода, я люблю лежать и смотреть на капли. Рядом со зданием росло высокое дерево, в некоторых местах изогнутое под причудливыми углами. Его фиолетовая листва едва слышно шелестела, хотя ветра не было. Иногда мне снились сны. И там тоже были деревья, но их листья отчего-то были зелёными, а стволы ровными.

«Спускайся» – прозвучал в голове голос. – «Они идут».

Идти могли только хилые и уродливые создания, которых мы употребляем в пищу. Я неохотно поднялась. Оправила некогда пышную белую тряпку, висевшую на мне. Когда-то, давно-давно, я в ней очнулась в странном месте, где пахло воском, а на стенах висели плохонькие изображения хилых созданий. Они всегда очень странно реагировали на неё. Пытались помочь, ужасались. Я даже запомнила, как эта тряпка называется на их примитивном языке – свадебное платье.

Со временем тряпка поизносилась, потеряла пышность, перестала быть белой. Да и количество хилых созданий уменьшилось. Многие из них стали осторожны. Перестали

реагировать на мою белую тряпку. Но мы всё равно пытались их поймать благодаря ей. А если не срабатывало, то впереди их ждала ловушка посерьёзнее. Её делали такие же хилые создания, чтобы ловить и убивать себе подобных. Мы, когда поняли, как работает ловушка, убили хилых созданий и начали сами ею пользоваться.

Я сбежала по бетонной лестнице. Прошла через коридоры к другой лестнице. В здании неприятно пахло гнилыми останками хилых созданий. Мы с братьями уже давно бы покинули это место, но не хотелось оставлять ловушку. Поэтому с вонью приходилось мириться.

Я сбежала по ступеням на нижний этаж. Все мои собратья уже столпились в просторной, но тёмной комнате с несколькими большими воротами. Я не видела их лиц, только голодные горящие глаза. А ещё слышала скрежет зубов.

«Выходи. Они уже близко» – раздалась в голове команда.

Я послушно отправилась к распахнутой двери, через которую лился яркий дневной свет. Перешагнула порог. Размашистыми шагами прошла по заросшему фиолетовой травой тротуару. Проезжая часть заросла чуть меньше. Я вышла на её центр и остановилась. На меня ехало изобретение хилых созданий. Большая и неказистая машина – таких по городу много наставлено. За рулём я увидела рыжеволосую женщину. У машины имелась башня, откуда на меня, через прицел смотрел мужчина.

Это плохо.

Внутри всё сжалось. И я, подчиняясь инстинктам, сделала шаг вбок. Тут же позади щёлкнуло, пуля впиалась в асфальт, чуть дальше того места, где я стояла. Не сделай я шаг вбок, и она пронзила бы мне голову.

Я побежала к спасительной тьме здания, где меня ждали сородичи. Ничего-ничего. Эти уродливые и хилые создания далеко не уедут. Чуть дальше их ждёт ловушка, из которой ещё никто живым не выбирался...

* * *

Сон прервался. Если быть точнее – его прервали. Катя стянула шлем и положила его на тумбочку. Села на кровати.

– Ну? Как? – Андрей скрестил руки на груди и всем видом старался показать, что он, мол, знает, что круто, но решает и соседке себя похвалить.

– Первый сон был лучше. В разы лучше. Там монстр хоть и был краденный, но он был ярче. Там был сюжет. Пусть и насквозь шаблонный и оканчивающийся как-то... да никак он не заканчивался. Но сюжет там был интереснее. Тут же просто... просто...

Катя видела, как с каждым её словом лицо соседа тускнеет, превращается в маску.

– В этом сне просто набор образов. Без сюжета, без идеи, не вызывающий никаких эмоций. Это просто картинка, – Катя собралась с духом и добавила. – Просто бестолковая кар-

тинка. Выброшенное на ветер время.

Соседка поднялась. Хотела сказать какие-нибудь утешительные слова. Попыталась найти в просмотренном сне хоть что-нибудь, что можно похвалить. Но в голову так ничего и не пришло.

– Спасибо, – буркнул Андрей, поднимаясь следом.

Катя медленно прошла к выходу. Она чувствовала, что надо ещё что-то сказать, но не могла сформулировать в голове мысли. Слышала, как Андрей шлёпал следом. Перед входной дверью соседка остановилась. Взялась за ручку и замерла.

– А кто были эти... на грузовике?

Андрей на неё непонимающе уставился. В следующую секунду понял, о ком Катя спросила.

– Я им только название придумал. «Ангелы жизни». По моей задумке они ездят по разрушенному миру и спасают людей. Только как этот сон воплотить в жизнь я не знаю. Слишком там технически всё сложно. Назвать-то можно «Против часовой стрелки», но где брать весь видеоряд? Да и настроек там будет просто неподъёмное количество. В общем... не знаю, нужно ли утруждаться.

– Нужно, – Катя нажала дверную ручку. – Вот про них будет интересный сон. Он будет на порядок лучше того, что ты мне показывал. В общем, сделаешь – позовёшь.

Орудие

В соавторстве с Максимом Чупровым.

– ...ты хоть раз можешь ребенком заняться? – кричала жена. – Ни до чего тебе дела нет. Звери и те о своих детях заботятся. Ты же...

Демид надел куртку, начал обуваться.

– В доме палец о палец боишься ударить! На кухне кран течет, свет в ванной не работает, а ты знай пиво пить! Ребенок попросил: «Пойдем в зоопарк». А ты?! Что ты ответил?! Думаешь только, как бы напиться! Вот куда тебя несет? Вечер уже на улице?

– Пить, – ответил Демид и вышел.

* * *

По аллее в лучах заходящего солнца кружились листья. Демид оглянулся – никого. Отчего же показалось, что за ним наблюдают? Он остановился возле скамейки, поставил банку пива. Закурив, взгляделся в темнеющий парк.

Метрах в тридцати, прислонившись к дереву, стоял мужчина. Демид чувствовал пристальный взгляд. Спустя мгновение к нему зашагала темная фигура. Порыв ветра всколыхнул плащ и растрепал длинные седые волосы.

– Здравствуй, – издалека поприветствовал незнакомец. – Меня зовут Виталий Чередов.

– Очень приятно, – пробурчал Демид.

Лицо Чередова, морщинистое и бледное, в сумерках казалось мраморным.

– Ну, не против, если я присяду?

– Садись, – ответил Демид и затянулся, хотел сбросить пепел, но замерзшие пальцы не удержали сигарету. – Да чтоб тебя... – он со злостью растоптал окурки.

– Вас угостить? – Чередов протягивал пачку дорогих сигарет.

– Не откажусь, – признался Демид. – Забыл купить сигарет. Как раз шёл. Дома с женой поссорился, – проявился выпитый алкоголь. – Пошел в ларек. Пива купил, а сигарет... Думая о ней... Забыл. Сейчас как раз собирался пойти.

– С женой поссорился?! – воскликнул Чередов. – Ну, у меня такая же ситуация! Прихожу с работы, а она начинает: «Ты мало получаешь... всю жизнь так... Живем в нищете...». Ну, в общем, ты знаешь.

– Знаю, – согласился Демид.

Чередов глубоко вздохнул и опустил взгляд.

– Ну и с женой хреново и без нее никуда.

– Здесь я не согласен, – Демид глотнул пива и протянул новому знакомому.

Чередов сделал большой глоток и предложил:

– Ну, может в ларек, по бутылочке? – указал он на пиво.

– Не лишним будет.

* * *

– Ну, так и что ты ей? – от выпитого алкоголя Чередов покраснел.

Новые знакомые сходили за пивом, решив не ограничиться даже тремя литрами. Когда вернулись на лавочку, улицу в одеяло темноты укутала ночь. Чередов рассказал, что по образованию физик-ядерщик, но хозяйка-жизнь дернула за одни лишь ей видимые ниточки. С тех пор физик-ядерщик кем только не работал. Последней его работой стала разработка чего-то. Демид не понял чего, но и не очень старался.

Виталий Чередов Демиду понравился: общительный, мягкий характер, видно, высокообразованный, а разговаривает, как с равным.

Демид вспомнил начальника: купил крутую иномарку и на сотрудников, работяг, что ему же деньги и зарабатывали, начал смотреть, как орел на воробьев. Демид, после очередного скандала в семье, попросил поднять зарплату. Ответом было: «Ты и так не работаешь. За что тебе поднимать? Урезать надо». Через час начальник поручил не-работнику-много-получающему новые обязанности. Фирма расширяется, растет, объемы продаж как на дрожжах...

– Ну, так что ты ей, – потерябил за руку Чередов задумав-

шегося собеседника.

– На что? – Демид закурил.

– Ну, я про то, что она говорит, что ты каждый день напиваешься...

– А, – протянул Демид. – Ты про это. Значит, заявляет она такую фигню. Я согласен, получаю мало, но бизнес я свой открыть не могу. Для этого нужны связи, начальный капитал. А что еще остается?

– Ну, да, – согласился Чередов. – Ничего. Ну, так и что ты ей.

– Сказал, что такая работа, как у меня, – это отличный повод, чтоб каждый день пить. Добавил, что такая жена – тоже отличный повод для этого.

– Ну, и что она тебе после этого?

Ученый расспрашивал методично, последовательно, чем насторожил собеседника.

– А тебе зачем? – поинтересовался Демид.

– Ну, зачем мне это? Не хочешь, не говори, – Чередов достал сигареты, прикурил. – Я собственно лишь разговор поддерживал, – признался он. – Если не хочешь – не говори. Могу рассказать о себе.

– Давай, – махнул рукой Демид.

– Ну, жил я хорошо. Денег было в достатке. В постперестроечные годы продал несколько разработок на запад. В СССР их запретили как не рентабельные, а лишь барьер сняли, так американцы ими сразу и заинтересовались. Даже

предложили переселиться. Начальником крупной лаборатории обещали сделать...

– Сделали?

– Ну, сделали. Только другая там жизнь. По другим законам течет. Не тот менталитет и русскому делать там нечего.

– Вернулся?

– Ну, да. Пять лет прожил и вернулся. Жена сопротивлялась. Ей там настолько понравилось, что она даже развестись со мной грозилась. Не развелась, – жестом остановил вопрос Демида ученый. – Она же там не работала, а лишь деньги тратила. Понимаешь, когда ты оказываешься там в первый раз, такое чувство, что в рай попал. Ну, это сродни тому, что посмотришь ты на фотографию, где люди довольные и счастливые. Но ведь не всегда же они, как майские розы. Жизнь полна черных и белых полос. Конечно, мы видим лишь серые, но в совокупность серого входит и черный и белый. Значит, каждое мгновение надо ценить, а не видеть его взглядом дальтоника, ведь такого уже не повторится. Даже самые плохие моменты в жизни случаются не просто так. Они нас учат... Ну, ладно, я отвлекся. Ну, значит, а меня там как я говорил, поставили завоём лаборатории, но знаешь... – Чередов докурил, красный огонек описал в сумерках дугу. – В общем, не смог я там работать. Ну и вернулся. Здесь же... – Что? – поинтересовался Деמיד.

– Слушай, – сменил тему разговора Чередов. – Ты как смотришь на то, чтоб заработать?

– Вообще неплохо. А что надо делать? – спросил Демид и глотнул пива.

– Ну, вообще, забрать палку у обезьяны.

Демид поперхнулся, начал кашлять. Чередов похлопал его по спине и пояснил:

– Я сейчас расскажу тебе одну очень интересную вещь. Не воспринимай мои слова как бред сумасшедшего.

– Постараюсь, – пообещал Демид.

– Ну, я долго разрабатывал один очень перспективный проект.

– Про что?

– Ну, про употребление человеческих трупов для удобрения почвы. «Трупный навоз» назвал я этот проект. Представляешь, работал-работал, довел технологию и качество до совершенства, а потом... Неважно, – Чередов опустил взгляд. – Важно другое. Я сейчас работаю над перспективным проектом...

«Удобрение из трупов?! – подумал Демид и посмотрел на собеседника. – Псих полный!».

– ...данная разработка позволит всему человечеству, оцени масштабы, получить такие способности как телекинез и телепатию. Ведь мозг человека... его тоже можно накачать, как мышцы. Вот это я и собираюсь сделать! Эксперимент почти завершен, и я надеюсь его сегодня закончить.

– Не буду мешать, – Демид по-другому начал смотреть на случайного собутыльника. Приятный старичок превратился

в полоумного ученого.

– Ну, ты поможешь мне? – Чередов посмотрел на Демида.

– Думаю мне пора к жене. Прощения просить.

– Ну, а как ты смотришь, если ты придешь просить прощение с десятью тысячами долларов?

– Последует много вопросов...

– Ну, ответишь: «Заработал»!

Демиду очень не хотелось «зарабатывать». Пивка же вышел выпить, а не деньги зарабатывать.

– Ну, так что? – спросил Чередов.

Демид посмотрел на заканчивающееся пиво. Хотелось еще, но без сумасшедшего.

– Сколько, вы говорите?

– Ну, десять тысяч.

– Зеленых?

– Зеленых.

– А что мне надо сделать?

– Ну, сказал же, – Чередов поднялся со скамейки, обошел ее вокруг и остановился против Демида. – Надо забрать палку у обезьяны.

«Чокнутый псих! – подумал Демид. – Нет у него десяти тысяч! Иначе давно бы нанял целую команду „отбирателей“ палок».

– В двух словах, – продолжал ученый. – Я изобрел машину времени и если забрать у нашего общего предка палку, в определенный момент, то человечество получит неоцени-

мые перспективы в виде сильноразвитого головного мозга.

– Круто, а мне-то что?

– Ну, а ты будешь тем самым благодетелем, что осчастливит человечество...

– Вы хоть понимаете, что за чушь сейчас несете?

– Ну, хорошо, – неожиданно согласился Чередов. – В чем состоит работа я сказал. Десять тысяч вот, – он полез во внутренний карман и достал пачку долларов. – Здесь сто сто-долларовых купюр. Согласен?

Демид задумался. Пиво пивом, а десять тысяч за отбирание палки не каждый день предлагают заработать. К тому же сколько пива можно купить на десять тысяч?!

– Ты хочешь всю жизнь просидеть перед телевизором, ждать пока пузо превратиться в пивную бочку, а лысина разрастется на всю голову? – увидел Чередов сомнения Демиды.

– Ладно, уговорили. Давайте деньги.

«Наконец-то у меня есть деньги» – подумал Демид, когда увесистая пачка оттопырила карман куртки.

– Ну что, идем? – спросил Чередов.

– Идем.

Ученый направился по аллее в сторону выхода. Шагал быстро, Демид едва поспевал. Молчали. Вскоре вышли на улицу. Чередов показал на припаркованную машину – большую черную иномарку.

– Ну, садись.

На секунду Демид замер. В нем по-прежнему жили рас-

сказы матери о плохих дядях на больших автомобилях. О конфетках, которые они предлагают детям. О множестве других способах заманивания в большие черные автомобили. Со временем ничего не меняется, лишь конфетки становятся дороже – десять тысяч, например.

– Ну, чего стоишь?

– Извините, – пробормотал он и забрался на пассажирское сиденье.

Чередов огляделся, открыл дверь и, подобрав полы плаща сел в машину. Из кармана плаща выпал серебристый предмет. Демид поспешно отвел взгляд от револьвера, мягко упавшего на коврик.

«Господи, – подумал он, – что я здесь делаю?»

Ученый, краем глаза глянув на Демиду, положил оружие обратно в карман.

Тронулись, Чередов заговорил об эксперименте. Говорил бессвязно, иногда невнятно и завершил тем, что лучше самому все увидеть.

Демид кивнул. Беззаботность не успокаивала.

Машина выехала на трассу, уводящую вглубь региона. Он спросил, куда едут.

– Ну, там деревенька, – ответил ученый. – Сорок километров. Скоро будем.

– Я думал, ваша лаборатория в городе...

Чередов посмотрел на Демиду; губы растянулись в горькой усмешке.

– Мне запретили. «Не соответствует концепции». «Неосуществимый проект». «Бессмысленная трата денег». Доклад даже читать не стали, – он обратил взгляд на дорогу, добавил: – Ну, пришлось выкручиваться.

Демид кивнул, и оставшиеся сорок километров проехали в тишине.

Деревенька – громко сказано. Шесть покосившихся домиков, разбросанных вокруг колодца. В двух кто-то жил, остальные казались заброшенными. Чередов повел к заброшенному.

Большой, почерневший от времени бревенчатый дом, с проломленной в двух местах крышей и заколоченными окнами на лабораторию походил, как крышка от кастрюли на солнце. Покосившееся крыльцо держалось на честном слове, а желтеющая трава осаждала стены, как греки Троя. От ближайшей ЛЭП, через заросшее сорняками поле, протянут кабель – единственное подтверждение, что дом обитаем.

Чередов осторожно поднялся на крыльцо и отворил дверь. Знаком позвал за собой.

В первой комнате – ничего кроме табурета, старого стола и непереносимого запаха рыбы.

– Ну, присядь пока... Чай? Кофе?

– Нет, спасибо.

– Отлично. Значит, сразу перейдем к делу. Посиди, я сейчас. – Он прошел в соседнюю комнату, отделенную занавеской.

Прошло несколько минут. Из комнаты донесся гул, а следом голос Чередова:

– Иди сюда.

В центре комнаты – металлический куб высотой почти до потолка. В стене окошко, заглянув, Демид увидел стул и панель управления с кнопками и рычагом. Изнутри куб освещался ярким белым светом.

– И что это за металлолом?

Сердце бешено колотилось. Хотелось домой. В мягкое кресло перед телевизором. К привычной, нормальной жизни.

– У человечества было два пути, – заговорил ученый, сложив руки на груди, – духовный и технический. Человечество пошло по техническому. Я намерен это исправить. Перед тобой машина времени, запрограммированная на одну временную точку – ту, когда человечество могло сделать выбор. – Чередов замолчал. Посмотрел на куб, на Демиду и продолжил: – Ты поможешь человечеству сделать правильный выбор. Перенесешься на несколько миллионов лет назад, где обнаружишь родоначальника человечества и... Зачем мы работаем руками, когда можем работать головой?! Ведь доказано, что человек владеет зачаточными функциями телекинеза и телепатии! Человек может без единого усилия управлять миром!

Демид не знал, верить ли. Чередов говорил убедительно, но полную чушь.

– Ладно, ладно, – махнул он рукой. – Что сделать то надо.
– Отлично, слушай...

* * *

Машина мерно гудела. Демид сидел на стуле и разглядывал ее. Он никогда не сомневался, что такое изобретение если уже не существует, то его скоро изобретут. Но даже мечтать не мог, что отправится в прошлое лично. Другая же часть сознания твердила – тебя разыгрывают! Сейчас дверь откроется, и над тобой будут смеяться и аплодировать. От размышлений Демид отвлекла большая толстая книга в черном переплете. Она лежала под стулом и неудивительно, что он ее раньше не заметил. Демид поднял книгу и раскрыл на произвольной странице. Все пространство занимал график. Такие Демид чертил в школе на уроках то ли алгебры, то ли геометрии. Он открыл следующую страницу, исписанную четким, с легким наклоном влево, почерком.

«Дневник» – пробежала мысль.

В этот момент свет погас. Остался лишь расплывчатый прямоугольник окошка, и Демид отложил книгу.

Послышался голос Чередова:

– Начали, – свет в окошке начал меркнуть и последнее, что увидел Демид – ученый поднес к лицу какой-то предмет. Затем в окошке появилась густая зелень.

Следуя инструкции Чередова, Демид повернул огромный,

как на подлодке, вентиль и толкнул дверь.

Машина времени выпустила человека в лоно природы. Природы первозданной. В кронах высоких, невиданных деревьев щебетали птицы, шелестел ветер, донося до человека первобытные запахи природы. Демид глубоко вдохнул, наслаждаясь забытой прелестью чистого воздуха.

«Получилось!» – ликовал он, будто лично изобрел машину времени.

Оглядевшись, он отправился вглубь джунглей. Если ученый дал верные указания, то до заветной обезьяны несколько метров.

– Раз, два, – начал считать шаги Демид. – Три, четыре, пять, шесть, се...

Вот она, первобытная, огромная и вселяющая страх. Вот он, человек на заре эволюции. Вот он, Адам. Стоит под деревом, глядит вверх, гроздь бананов заманчиво свисают. Но – высоко, не достать. Нужна палка. И палка в руках, готовая повернуть человечество на путь войн, полетов в космос и сотовых телефонов. Еще секунда и полетит вверх, нацеленная на пищу; на удовлетворение животных потребностей; на рабство, геноцид и терроризм. Предок замахивается, мышцы напрягаются, он молод и силен, похож на легкоатлета. Бананы желтые и яркие, соблазн велик.

Демид понял, что это единственный шанс.

Прыжком подскочив к пра-пра-Бог-знает-какому-деду, он выхватил палку из согнутой руки и бросился назад к маши-

не времени. Предок зарычал – скорее от удивления, нежели злости – и погнался за обидчиком. До кабины – семь шагов, но для Демида они превратились в семь километров.

Наконец показалась дверь. Влетев в кабину, он захлопнул ее и дрожащими руками закрутил вентиль. Предок с разбега врзался в кабину. Его лицо, где безволосыми остались лишь глаза и губы, заглянуло в окно. На Демида смотрели разъяренные глаза гориллы, и даже не верилось, что ЭТО и есть родоначальник человечества.

– Ну, что ж родственничек, – сказал Демид, – шевели мозгами.

Предок несколько мгновений смотрел на человека. Резкий звук заставил Демида подпрыгнуть.

– С ума сошел, что ли?! – крикнул он на обезьяну, молотящую кулаками по стеклу. Нажал на панели несколько кнопок и повернул рычаг.

Ничего не происходило. Разъяренный предок продолжал барабанить по стеклу, а за его головой раскачивались первобытные деревья. Демид хотел заново пробежаться по кнопкам, но вид в окошке изменился. Предок пропал, первобытные деревья уступили место грозовому небу.

Демид открыл вентиль против часовой стрелки. Дверь с тихим шипением открылась, и он ступил в настоящее-будущее, которое сотворил сам.

На горизонте виднелись горы с заснеженными вершинами, а вокруг, насколько хватало глаз, простиралась степь.

Машина времени появилась на обочине проселочной дороги. Далеко впереди, поднимая пыль, ехала повозка.

– И где я? – спросил Демид у ветра, степи и дороги. – Чередов же говорил, что вернусь обратно!

Он взгляделся в приближающуюся повозку, но не смог разглядеть возницу.

«Наверняка недалеко деревня, а Чередов просто ошибся в расчетах» – пришел к выводу Демид. На улице ждать повозку холодно, он зашел обратно в машину и прикрыл дверь. Осмотрел палку. Палка как палка. Сел на стул, зажал палку между ног и открыл дневник на одной из первых страниц:

«17 октября, 1981 года, суббота.

Господи, когда же я, наконец, увижу ее?! Когда смогу посмотреть ей в глаза, увидеть ее улыбку, ах, какой она была красивой в том голубом...»

Демид быстро перелистнул. На следующей странице был тот же бред. Вечный бред жизни. Тогда он открыл в центре:

«19 июля 2001 года, четверг.

Ну вот, завершил последний эксперимент по «Трупному навозу». Удачно! Даже не думал, что добьюсь такого. Семена с моим удобрением всходят в три раза быстрее и это при его-то себестоимости! В агрономии назревает революция!»

«12 февраля 2002 года, вторник.

Чертовы бюрократы! Чертова... мораль! Да кому нужны трупы?! Горюющим родственникам? Ну, так

они все рады, одним наследником меньше. Затягивай потуже пояса, Виталий, система бросила тебе вызов».

«1-ое авг. 03.

Осудили! Условно! Меня! Великого ученого! Никаких разработок! Вон из сообщества! Ну теперь берегитесь! Виталий Чередов этого так не оставит! Посмотрим, как вы запоете, бюрократы распроклятые, отродье чиновничье, приспешники дьявольские, посмотрим, как вы запоете, посмотрим, посмотрим, вспомните еще Виталия Чередова на адском огне, зря, гнилье паршивое, подумаете, зря Виталия Чередова не послушали, зря отказали, зря, гореть вам в аду, и детям вашим, и внукам, зря, зря, зря, з...»

Демид сглотнул подступивший к горлу комок. Дрожащая рука перелистнула несколько страниц.

«19 сентября 2006 года, вторник.

Строю машину времени. Денежки получил от «Пэтра корпорэйшн», знал ведь, что кто-нибудь да заинтересуется «Трупным навозом». Мечь близка, я чувствую ее запах».

«29 августа 2008 года, четверг.

Все готово. Осталось только найти нищего придурка, надеюсь, они еще не перевелись. По моим расчетам человечки никогда даже колеса не изобретут. Да какое колесо! Палка – вот вершина технического прогресса. Хи-хи. Хозяиничать на Земле будут

мишки косолапые... Господи, знал бы кто, с каким нетерпением я жду этого момента! Говорят, месть сладка, но для меня она слаще миски сахара».

Демид открыл последнюю страницу. Даты не было.

«Завтра или послезавтра. Заприметил жирного дебила, он ходит на работу через парк. В руке у него неизменно дешевое пиво. О да, я знаю к нему подход... Ну что ж, пора прощаться. Надеюсь, тебя, дорогой дневник, отыщет какой-нибудь Потапыч и посмеется над непроглядной тупостью рода человеческого, посмеется и скажет: поделом... Аминь».

Демид швырнул дневник на пол. «Использовали!» – стучала в голове мысль. Его, Демиду, использовали, как обезьяна использовала палку, чтобы достать бананы! Чередов. Он знал. Он все знал. Безумец! Послал его на верную гибель. И ради чего? Ради мести! Но сам-то, сам-то ведь тоже погибнет... и тут Демид вспомнил пистолет. И движения в окошке. И все встало на свои места. Ну конечно, разве может безумец придумать иной выход?

С палкой в руке Демид вышел из машины времени. Поездка находилась еще далеко, но рассмотреть, кто ее тащит и кто управляет, возможность появилась.

Не веря глазам, Демид несколько минут стоял и смотрел на гужевых людей покрытых шерстью и возницу... из семейства кошачьих.

– Боже... – сорвалось с пересохших губ. – Что же это?!

* * *

Рискар-Рра давно заметил странный предмет на дороге. Острое зрение позволило рассмотреть непонятную конструкцию кубической формы. Ничего подобного заводчик гужевых обезьян раньше не видел.

Когда повозка приблизилась, передняя стенка куба открылась, и на дорогу с палкой в руке выбралась обезьяна. Очень слабая особь мужского пола, без шерсти и в непонятном тряпье, словно стеснялась собственного тела.

– Цирковая, наверно, – промурлыкал Рискар-Рра.

«Вот жена-то обрадуется!» – подумал он и, развернувшись, достал из повозки лассо.

Доченька

С моря дул лёгкий бриз. Доносил пьянящий запах открытой воды. Я выбросил из ямы очередную лопату земли и остановился немного передохнуть. Поясницу ломило. Бешено, словно сумасшедшее, колотилось в груди сердце. Дрожащей рукой потянулся и взял металлическую флягу. Открыл крышку и напился воды с лёгким привкусом водорослей.

Солнце спряталось за облачком. За спиной находился лес, где уже минут тридцать надо мной издевалась кукушка. Отсчитала мне столько лет, сколько люди в принципе не живут.

Хотя... люди и так не живут. Нет их больше. Я последний. А ещё моя дочь.

Взялся за лопату и воткнул её в податливую землю. Копалось легко. Будь я лет на сорок помоложе, успел бы вырыть четыре могилы. Но возраст... возраст...

Я не знаю, сколько мне лет. Для последнего человека на Земле это не имеет значения.

Когда всё случилось, мне было тридцать два, а моей Насте семь. Какой-то пьяный урод сел за руль и сбил её во дворе собственного дома. Ей потребовалась дорогостоящая операция и кровь, благо у меня с дочерью она была одной группы и одного резуса. Естественно, я стал донором. До сих пор помню, как Настенька умоляла не оставлять её, словно чувствовала, что не выйдет из-под наркоза.

И я пообещал, что никогда её не брошу.

Понятия не имею, откуда взялся вирус, за считанные месяцы уничтоживший население планеты. Каких только версий ни слышал: американские военные разработки, инопланетяне, решившие очистить планету, мутировавшая чума и ещё сотни других. Распространялся вирус по воздуху и имел сумасшедшую вирулентность. Ветер за несколько недель разнёс его по планете. Когда человечество осознало, с каким мощным врагом столкнулось, уже были заражены свыше девяноста девяти процентов населения, словно кто-то вышестоящий запустил программу «выключение человечества». После длительного инкубационного периода под мышками и в паху набухали огромные чёрные шишки, издававшие жуткое зловоние. Поднималась температура и начиналась рвота. Человек либо «сгорал», либо умирал от обезвоживания. Я не слышал, чтобы какие-либо из имевшихся лекарств помогли. Поговаривали, что если вскрыть чёрные наросты, то человеку удавалось прожить на несколько дней дольше. Правда это или нет – не знаю. Некому подтвердить или опровергнуть.

Мир моментально захлестнула анархия. Некоторые пытались спастись, прятались в правительственных бункерах, уплывали на необитаемые острова; другие занимались насилием и грабежом, ни в чём себе не отказывая; третьи с решимостью фанатиков искали лекарство. Всё оказалось тщетно. Погибли все. Правда те, кто искал лекарство, доставили мне

немало хлопот.

Подозреваю, что в моей крови есть вирофаг. Потому что я единственный, кто не заразился. И этот вирус вируса передал дочери. Настенька заразилась, не выходя из комы. В то время, как остальные погибали, доченька продолжала жить, а потом зловонные чёрные наросты начали спадать и вскоре вовсе прошли. Она стала первым и единственным человеком, победившим смертоносную болезнь.

К тому моменту от человечества остались считанные крохи. Весть о чуде со скоростью молнии разнеслась по планете. Не успел я обрадоваться выздоровлению ребёнка, как нагрянули люди, решившие сделать из моей дочери лекарство. О чём-то с ними договариваться было бесполезно. Они ничего не слушали, действовали нагло и напористо – защищали свой вид, ставший на финишную черту вымирания. У меня был шанс спасти людей, но я... никто не может сказать, что смалодушничал. Никто не может меня ни в чём попрекнуть.

Для этих фанатиков моя доченька была всего лишь живым трупом, из которой они собирались извлечь для себя лекарство. Именно тогда я впервые осознал, что дал дочери обещание не оставлять её.

Я сумел забрать тело Настеньки и сбежать.

Долго бы у меня скрываться не получилось. Помогла пандемия, которая избавила от преследователей, вместе с тем вычеркнув из моей жизни и какую-либо помощь.

Я выкинул очередную лопату земли, остановился пере-

дохнуть. В глазах на несколько мгновений потемнело. Сердце тяжело и неравномерно колотилось в груди. Оно отработало свой век и хотело отдохнуть.

Много лет я колесил по планете с дочерью, находившейся в коме. Поначалу у меня не хватало знаний, как ухаживать за больным ребёнком. Рылся в библиотеках и больницах, по крупицам собирая сведения. Затем стали приходить в негодность лекарства, бензин, батарейки...

Я обещал дочери, что не оставлю её! Шли годы, я набирался опыта и научился варить отвары, заменившие лекарства, смастерил динамо-машину, обеспечившую электричеством все необходимые приборы, научился добывать еду.

И каждый день молился, чтобы Настенька пришла в себя. Зима сменялась зимой, а чуда не происходило. Дочь превратилась в девушку, затем в женщину. Я стриг ей волосы и ногти, обмывал, расчёсывал, читал книги, подолгу разговаривал. Умолял Бога вернуть её к жизни. Но Бог стал глух к человечеству.

Растения давно поглотили города. В квартирах, как в норах, живут дикие звери. Природа быстро отвоевала своё. В реках рыбу можно ловить руками. Подстрелить зайца на ужин, можно чуть ли ни пальнув наугад в кусты. Хищников стало больше, но это не беда – они сыты и мы стараемся обходить друг друга стороной.

Я снова начал копать. Выкинул несколько лопат земли, после чего решил, что могила достаточно глубока. Даже для

нас двоих. С кряхтением, на трясущихся руках, выбрался из ямы. Несколько минут лежал и смотрел в голубое небо.

Могильный памятник я заготовил несколько дней назад. Нашёл на берегу моря овальный и идеально гладкий камень. Выбил на нём незамысловатое: «Здесь похоронены последние люди».

Я медленно перевернулся на живот, вдохнул полной грудью запах свежей земли. Затем встал на четвереньки. В левой части грудной клетки сильно заболело. Начало простреливать в левую руку, шею и живот. Я зажмурился и, превозмогая себя, поднялся. В последние дни такая боль стала привычной. Даже научился с ней жить. В глазах потемнело. На длительное мгновение сердце замолчало. Так бывало несколько раз за последние сутки. В такие моменты неизменно думал, что пришла смерть...

Сердце тяжело ухнуло и начало неравномерно стучать. Боль затихла. Прошёл к повозке, где находилось тело дочери. Взял большой кусок брезента. Осталось накидать на него землю и подвесить к дереву. Возле удерживающей верёвки поставить свечу, чтобы та подпалила верёвку и брезент, вместе с землёй, упал в могилу. Похоронил меня и дочь.

Этим занимался оставшуюся часть дня. Вначале подвесил брезент, затем накидал в него землю. После врыл надгробный камень. Закончил в сумерках. Бриз сменил направление на ночное и теперь доносил из леса запахи разнотравья и хвои.

Я подошёл к повозке и посмотрел на доченьку. На худое и бледное тельце взрослой женщины. Последние несколько лет она дышала сама. Вначале надеялся, что Настенька придёт в себя, но чуда так и не случилось.

Вновь заболело сердце. Сильно-сильно. Так, что даже в ушах и пятках отдавалось.

– Ещё чуть-чуть! – пробормотал, выпрашивая хоть немного времени.

Несколько минут стоял над телом и смотрел в лицо доченьки. Я прекрасно помнил её светлое детское личико. Теперь передо мной лежала взрослая женщина с морщинами на лбу и заострившимися скулами. На глаза навернулись слёзы. Наклонился и поцеловал её в лоб. Вдохнул родной запах волос.

– Прости меня, – прошептал ей на ухо. – Прости меня, моя хорошая... Видит бог, я старался. Прости.

Неимоверным усилием воли заставил себя отключить все приборы от тела дочери. Поднял воздушное тело и направился к нашей могиле. Очередной приступ боли накрыл возле ямы. Не удержавшись на ногах, упал на колени и чуть не выронил Настеньку.

– Ещё чуть-чуть! – прошептал сквозь зубы.

Боль немного стихла. Тогда я сполз в могилу, взял тело дочери и уложил на землю. Сам лёг рядом. По моим предположениям свеча должна поджечь верёвку минут через десять. В левой части груди монотонно и тягуче заболело. Я

смотрел на доченьку и чувствовал, как по щекам текли слёзы.

Тьма поглощала мир. На небе, видимом из-за нависшего брезента, проступили мириады звёзд. Ветерок легко зашелестел в близких кронах. Послышался далёкий-далёкий волчий вой.

Настенька дышала ровно. В какой-то миг я снова почувствовал, что сердце перестало биться. В мыслях мелькнуло: «Вот и всё».

Веки доченьки дрогнули.

Сердце гулко ударило в груди. Начало неравномерно стучать. Я лежал, смотрел на бледное лицо Настеньки, забыв дышать.

Её губы едва заметно зашевелились.

– Папа, – она произнесла заветное слово настолько тихо, что я скорее прочёл по губам, нежели услышал.

Когда вскочил, в глазах потемнело, а в левой части груди сильно заболело, словно туда вбили осиновый кол. Не обращая внимания на эти недоразумения, рывком поднял тело Настеньки. Положил на край могилы. Сбоку раздался тихий треск. Горела верёвка, удерживавшая брезент с землёй.

– Ну уж нет! Только не теперь! – прорычал я.

Шкрябая старыми ботинками по стенам могилы, выбрался на поверхность. Верёвка прогорела, брезент рухнул в пустую яму. Сильно запахло землёй.

– Папа! – чуть громче прошептала Настенька.

Она смотрела на звёздное небо, а из её глаз катились слёзы.

– Папа!

– Я здесь, родная! – прикоснувшись к её тонкой руке, зажмурился от боли, поселившейся в левой части груди. – Всё будет хорошо! – выдавил через силу.

Произнося эти слова, я чувствовал, как боль понемногу стихала. Глаза наполнились слезами то ли радости, то ли горя.

Даже не представляю, что будет дальше – об этом я никогда не задумывался. Мне казалось, что стоит доченьке выйти из комы, и всё закончится. Глупец! Когда мы достигаем мечты, нам требуется ещё больше сил на дальнейший путь...

Электроника ИМ-02

Слово автора:

«Электроника ИМ-02» изначально задумывался как роман с названием «Бесконечная жизнь». Уже на стадии написания черновика выяснилось, что до романа он сильно не дотягивает, а наливать «воду» и целенаправленно растягивать сюжет я не хотел. Поэтому пришлось переработать концепцию и даже сжечь это произведение, чтобы в итоге сделать рассказ.

В то время, когда я учился в Литературном институте, «Электроника» участвовала в обсуждении на одном из семинаров. Мне посоветовали убрать из неё фантастику, что я и сделал. В итоге оба варианта мне понравились.

В сборнике «Ядерная зима» представлен рассказ «Электроника ИМ-02» с фантастическим уклоном.

В этом сборнике «Электроника ИМ-02» представлен в жанре реализма.

Приятного чтения!

Как заплатить кредит, когда денег нет? Петр сделал глоток пива. Сплюнул за балкон, в теплый летний вечер. Взгляд сам собой приковался к матово-черному BMW. Петр почесал лысый затылок в складках кожи. Уже несколько лет он недоумевал, зачем ему понадобилась именно ЭТА машина? Мог же взять что-нибудь дешевле. Когда-то он слышал по-

говорку, что самое дорогое – это глупость. Теперь убедился и сам. Машина-то хорошая, нечего сказать, но и дорогая непомерно – бизнес-класс. Да еще и жена не отговорила от глупости. Тоже была очарована немецким автопромом.

– Э-э-эх! – протянул он.

Выйдя с балкона, попал в спальню, а оттуда в гостиную. В любимой комнате минимум обстановки. Мягкое и удобное кресло, телевизор да вычурный торшер в виде дерева с пышной кроной. По настоянию супруги недавно в углу появился еще и крохотный столик. Петр бухнулся в скрипнувшее под его весом кресло. Закинул ногу на ногу. Поерзал, устраивая поудобнее толстый зад. За окном смеркалось. Телевизор бубнил затянувшуюся рекламу. Уже несколько недель один из каналов обещал показать в «Хрониках удачи» невероятного человека. Живую легенду.

Пиво холодило руку. За окном кричала детвора – сын с друзьями гоняли мяч. Старшая дочь гуляла с парнем. Жена варила на кухне борщ. Запахи доносились умопомрачительные, будто там и не борщ совсем, а изысканное блюдо. Жена хорошо готовила – пальчики оближешь. Но в этот вечер желудок был набит под самую завязку фисташками и пивом, а в холодильнике стояло еще два с половиной литра обязательные к употреблению.

Петр несколько лет назад, когда начались проблемы с алкоголем, ввел себе правило – пить только в пятницу и только пиво, но сколько влезет. В другие дни ни капли. Помогло.

Однако зачастую такое поведение отражалось и на субботе.

Он сделал глоток горькой жидкости, глаза не отрывал от экрана, где по-прежнему крутили назойливую рекламу.

– Машуня! – крикнул он. – Точно смотреть не будешь?

– Да зачем мне этот мажор нужен? – отозвалась жена. – Что он скажет? Как ему было тяжело уговорить папу, чтоб тот помог начать бизнес? Или как тяжело было олимпийские медали купить?

– Мне кажется, здесь чего-то поинтереснее будет.

– Что поинтереснее? Как этот мажор деньгами раскидается?

Петр сделал глоток пива. С недавних пор тема денег в семье стала острее бритвы. Иногда рубль к рублю складывали.

С улицы донеслись возмущенные голоса ребятни. Глянул на часы – пять минут девятого. На мгновение показался черный экран, затем началась заставка программы «Хроники удачи», замелькали лица известных личностей разных эпох: Ньютона, Гомера, Петра I, Чарли Чаплина, Гагарина и многих других, которых Петр или не знал, или не помнил, как звать. В конце с гордостью объявили, что ее автор и ведущий Николай Макаров.

– Здравствуйте уважаемые дамы и господа! Здравствуйте мои драгоценные телезрители!

– Это уж точно! Драгоценные! – буркнул Петр. Он всегда с завистью смотрел на бывшего друга. Кажется, целую вечность назад, в юности, они вместе пили пиво, и нередко на-

бирались до скотского состояния. Но теперь высокий атлет в синем костюме красовался с экранов всей страны в одной из самых популярных передач, а Петр водил автобус, и, по совместительству, подрабатывал сварщиком в маленькой фирмочке, чтоб хоть как-то выплатить кредит.

– Сегодня у нас юбилейный, трехсотый выпуск! – лучезарно улыбнулся блондин в синем пиджаке, любимец женщин за сорок. – И у нас, для вас необыкновенный сюрприз! Человек-сенсация! Человек, чье имя известно всем!

Бывший друг присел в красное бархатное кресло, за круглый, сделанный под старину, стол. Рядом маленький букетик неживых цветов и бутылочка минералки со стаканом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.